

Учебники для народной школы в Виленском учебном округе в 1860-х гг.

Анна Комзолова

Textbooks for the people's school in the Vilna educational district in the 1860s

Anna Komzolova

(Institute of History, Saint Petersburg State University, Russia;
Institute of Scientific Information for Social Sciences,
Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S086956870017309-0

В истории пореформенной России интересным, но ещё далеко не изученным феноменом является волна патриотизма, охватившая русское общество во время польского восстания 1863—1864 гг. Поддержка общественного мнения придавала правительству уверенность и укрепила его решимость твёрдо отстаивать свои позиции и в охваченных мятежом губерниях, и в дипломатической переписке. Узнав о попытках европейских держав вмешаться в борьбу империи с повстанцами, Александр II писал брату вел. кн. Константину Николаевичу 11—12 (23—24) апреля 1863 г.: «Надеюсь на патриотические чувства всей благомыслящей России, которые так сильно стали обнаруживаться повсюду, и уверен, что все сословия ответят, когда нужно будет, на мой призыв и станут грудью на защиту родного края»¹. По свидетельству Д.А. Милютинина, руководившего с 1861 г. военным ведомством, воодушевление и возмущение подданных убедили Александра II в невозможности установить на основе автономии прочный *modus vivendi* с шляхтой и в необходимости для утверждения «русской власти» в Царстве Польском и Западном крае проведения там радикальных социально-экономических преобразований. При этом «в простом народе проявилась такая живая, нравственная сила, которой враги России не подозревали. Поляки и заграничные друзья их сильно ошиблись, поверив русским революционерам, распространявшим ложные сведения, будто Россия накануне общего переворота, будто народ только и ждёт случая к общему восстанию»².

Верноподданнические заявления крестьян Северо-Западного края имели для правительства особое значение: в них искали моральную опору и веский аргумент в пользу легитимности порядка, установленного Российской империей.

© 2021 г. А.А. Комзолова

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 19-18-0073 «Национальная идентичность в имперской политике памяти: история Великого княжества Литовского и Польско-Литовского государства в историографии и общественной мысли XIX—XX вв.». This research was supported by the Russian Science Foundation, project № 19-18-00073 «National Identity in the Imperial Politics of Memory: History of The Grand Duchy of Lithuania and the Polish-Lithuanian State in Historiography and Social Thought of the 19th—20th Centuries».

¹ Korespondencja namiestników Królestwa Polskiego. Styczeń—sierpień 1863 г. Переписка наместников Королевства Польского. Январь—август 1863 г. / Под ред. С. Кеневича, И. Миллера. Wrocław, 1974. С. 191.

² Милютин Д.А. Воспоминания. 1863—1864 / Под ред. Л.Г. Захаровой. М., 2003. С. 247, 250.

ей на землях бывшего Великого княжества Литовского. Современники отмечали в то время проявления «наивного монархизма» как у белорусов, так и среди литовцев. К примеру, осенью 1863 г. крестьяне Гродненской губ. неоднократно просили русских мировых посредников прислать «царский портрет во весь рост», который на средства заказчиков был бы «вставлен в золотую рамку»³. В 1860-х гг. крестьяне Ковенской губ., получая от мировых посредников в подарок изображения Александра II, выражали желание «помолиться за царя»⁴.

Неудивительно, что и в период восстания 1863—1864 гг., и после его подавления власти империи пытались повлиять на настроения белорусских и литовских крестьян, не только реагируя на стихийные и спонтанные инициативы «снизу», но и стремясь действовать «на опережение» — заботясь о формировании гражданской и национальной идентичности народных масс, убеждая их в культурно-исторической общности с Россией и русскими (великороссами и малороссами). Это, естественно, требовало подготовки литературы для народного чтения. И предпринимавшиеся с этой целью в Виленском учебном округе (ВУО) усилия, безусловно, заслуживают (и давно ожидают) внимания исследователей.

В историографии наиболее известен нереализованный проект создания «народного» журнала с «национально-патриотической программой». Согласно не вполне точной версии А.И. Миловидова, мысль о необходимости подобного печатного органа «окрепла» при виленском генерал-губернаторе М.Н. Муравьёве в 1863—1864 гг. Причём, наряду с идеей учреждения Западнорусского православного братства, она высказывалась ещё ранее — в начале 1860-х гг., когда «местная малочисленная интеллигенция нашла поддержку в прибывшей [в Северо-Западный край] из центральной России». Но, несмотря на сочувствие Муравьёва, данное издание «не пошло»⁵. Д. Сталюнас и М.Д. Долбилов указывают на то, что, согласно первоначальному замыслу 1862 г., журнал предполагалось выпускать на белорусском и литовском языках, и это способствовало бы «поощрению регионально-культурной специфики», обособлявшей белорусов «от местных польских элит». Однако М.Н. Муравьёв и И.П. Корнилов не одобряли культурно-просветительские эксперименты с «белорусскостью», и начинание было ими «свёрнуто»⁶. Вместе с тем, помимо развития национальных языков, следовало бы рассмотреть и то, каким содержанием планировалось наполнять «народную» периодику и как на её страницах региональная история должна была соотноситься с повествованием о едином прошлом русского народа.

Первым о пользе распространения правительственных изданий среди белорусских и литовских крестьян заявил виленский генерал-губернатор В.И. Назимов, предложения которого в марте 1862 г. обсуждались в Комитете мини-

³ ГА РФ, ф. 109, оп. 38, 1 эксп., д. 23, ч. 14, л. 182—183.

⁴ ОР РНБ, ф. 523, д. 267, л. 11 об.

⁵ *Миловидов А.И.* Деятельность гр. М.Н. Муравьёва по народному просвещению в Северо-Западном крае (1863—1865 гг.) // Журнал Министерства народного просвещения (далее — ЖМНП). 1905. № 7. Отд. III. С. 95, 96; *Миловидов А.И.* Судьба русской книги в Северо-Западном крае в связи с его культурной историей // Христианское чтение. 1903. № 10. С. 502, 503.

⁶ *Сталюнас Д.* Границы в пограничье: белорусы и этнолингвистическая политика Российской империи на Западных окраинах в период Великих реформ // *Ab Imperio*. 2003. № 1. С. 282—284; *Долбилов М.Д.* Русский край, чужая вера: этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М., 2010. С. 198—199.

стров. Вскоре более детальный план создания «народного» печатного органа разработал историк и публицист П.К. Щебальский, служивший тогда чиновником по особым поручениям в учебном ведомстве. В записке, датированной 1 мая 1862 г. и получившей одобрение Назимова и министра народного просвещения А.В. Головнина, рекомендовалось учредить в Северо-Западном крае комитет грамотности и поручить ему выпуск народного журнала⁷.

По поручению Головнина 7 апреля 1863 г. попечитель ВУО кн. А.П. Ширинский-Шихматов подготовил на основе соображений Назимова и Щебальского программу нового периодического издания «Друг народа». Предполагалось, что под этим общим названием ежемесячно будет выходить журнал для белорусского населения, а раз в две недели — газета для литовцев, поскольку они образуют «совершенно отдельное от белорусов племя, и их прошедшее не представляет тех явлений, какими полна история белорусов». И если в журнале преобладали бы статьи религиозного и исторического содержания, «в духе православия, русской народности и преданности престолу», то в газете на литовском языке следовало развивать «идеи отдельности этого племени от польской национальности». При этом князь надеялся, что Западнорусскому православному братству, в случае его учреждения, «могло бы быть поручено и издание народных журналов»⁸.

Ранее, 11 марта 1863 г., попечитель представил Головнину особую записку с проектом устройства данного братства. Вступать в него могли как русские чиновники и помещики края, так и все желающие, где бы они ни проживали. Основной задачей братчиков провозглашалось развитие начального образования среди белорусских крестьян — ожидалось, что они будут открывать школы, печатать и раздавать русские буквари и изображения местных чудотворных икон, православную литературу и брошюры с «рассказами из русской истории». Обер-прокурор Святейшего Синода А.П. Ахматов считал, что деятельность братства следовало также распространить «на литву и жмудь Виленской и Ковенской губерний и на латышей Витебской», дабы способствовать развитию «в их среде образования в духе их народности»⁹.

Князь Ширинский-Шихматов хотел немедленно опубликовать в центральных газетах «Приглашение к подписке на учреждение Западнорусского братства в г. Вильне», чтобы привлечь к этому начинанию внимание общества. Причём в первоначальном варианте «приглашения» указывалась не только просветительская, но и политическая цель — «охранить белорусский народ от тех пагубных влияний, которые грозят заглушить в нём родные нам основы его самобытности». Вместе с тем выражалось пожелание, чтобы члены братства, «вызванные силою обстоятельств на общественную деятельность», не питали «ни малейшей вражды к польской национальности», уважали «польскую нацию, её язык, литературу и веру». Однако до официального утверждения устава организации печатать от её имени объявления о сборе средств запрещалось. А Комитет министров одобрил общие правила для учреждения православных церковных братств лишь 12 мая 1864 г.¹⁰ В окончательном варианте «пригла-

⁷ РГИА, ф. 733, оп. 140, д. 17, л. 1 об.—2 об., 13—23, 24—24 об., 65—65 об., 67—73; ф. 1267, оп. 1, д. 14, л. 76—79.

⁸ Там же, ф. 733, оп. 140, д. 17, л. 128—138 об.

⁹ Там же, оп. 142, д. 24, л. 1—8, 23—27, 64—64 об.

¹⁰ Там же, л. 5—8, 11—12, 107—108 об., 117; ф. 797, оп. 31, 2 отд., 1 ст., д. 18г, л. 233—236.

шения» по настоянию министра внутренних дел П.А. Валуева и Муравьёва, сменившего в мае 1863 г. Назимова, «резкие фразы», которые могли задеть поляков, были удалены. Новый виленский генерал-губернатор не верил в успех деятельности братства, считая главным, но практически недостижимым его условием проникновение «во все тайники римско-католической пропаганды, для противодействия ей в самых скрытых её недрах»¹¹.

В целом к идее «народного» журнала в Северо-Западном крае в правительственных сферах отнеслись настороженно. В январе 1863 г. на него решили ежегодно ассигновать 6 тыс. руб.¹², но к началу 1864 г. деньги так и не выделили. В феврале 1863 г. Западный комитет отклонил предложение Головнина о ежегодной выдаче 20 тыс. руб. на издание «особого народного журнала». Его члены предпочли продолжить привычную раздачу в сёлах религиозной литературы и «таких сочинений, общепользность которых уже вполне признана»¹³.

Вступив в должность в феврале 1864 г., новый попечитель ВУО И.П. Корнилов собирался «испрашивать 6 000 р[ублей]», но констатировал, что «дело об издании народного журнала приостановлено для совокупного рассмотрения с делом Западнорусского братства»¹⁴. 14 апреля Иван Петрович направил Головнину записку о «неудобности» задуманного периодического органа для почти поголовно неграмотных белорусских крестьян. Речь шла прежде всего о невозможности сделать его массовым. При этом о его «белорусскоязычности» даже не упоминалось. «В каком бы количестве экземпляров, — писал Корнилов, — не был распространяем этот журнал, хотя бы по одному экземпляру в каждую деревню, во всяком случае он будет в руках немногих... В периодическом издании здешний народ не нуждается. Народные издающиеся ныне листки и журналы здесь вовсе не в ходу». К тому же в крае отсутствовала необходимая инфраструктура, и было невозможно «установить нарочно для журнала почтовую постоянную гоньбу между селениями». Поэтому попечитель предпочитал ограничиться распространением дешёвых книг¹⁵.

Тем не менее в сентябре 1864 г. Корнилов несколько изменил свою позицию и вновь обратился к Головнину, изложив собственную программу журнала для народа «Русское чтение» (от издания газеты для литовцев он всё же отказался из-за отсутствия редактора)¹⁶. Издание, по замыслу попечителя, состояло бы из духовно-нравственного, педагогического, исторического, естественного, географического, статистического, этнографического, хозяйственного, медицинского и «повествовательного» отделов и способствовало бы распространению среди крестьян Северо-Западного края таких представлений, которые помогли бы им понять «основное и существенное отличие русской национальности от польской», вызывая «оживление в памяти народной исторических русских воспоминаний» и содействуя всему, что «может служить нравственному и умственному образованию народа». Так, в статьях духовно-нравственного отдела следовало в доступной форме разъяснять различия между православием

¹¹ Там же, ф. 733, оп. 142, д. 24, л. 11—12, 53—53 об.; ф. 1286, оп. 24, д. 575, л. 2—2 об., 6—6 об.

¹² Там же, ф. 733, оп. 140, д. 17, л. 114—115.

¹³ Там же, ф. 1267, оп. 1, д. 14, л. 12—14 об.

¹⁴ ОР РНБ, ф. 377, д. 2, л. 2.

¹⁵ РГИА, ф. 733, оп. 170, д. 108, л. 4—5 об.; ср.: ОР РНБ, ф. 377, д. 272, л. 1—41 об.; *Корнилов И.П.* Об издании народного журнала в Северо-Западном крае // ЖМНП. 1868. № 1. Современная летопись. С. 1—20.

¹⁶ РГИА, ф. 733, оп. 140, д. 17, л. 174—177 об.; ОР РНБ, ф. 377, д. 271, л. 1—2 об.

и католичеством и так освещать историю Церкви, чтобы открылась «картина общих судеб православия в России, борьбы его с католичеством в здешнем крае и гонений, испытанных им со стороны польской пропаганды». Особое внимание уделялось всему, что свидетельствовало об общности белорусов с Россией. Поэтому отмечалось, что «при той слабости народного сознания, которая обнаруживается в населении западно-русского края почти совершенным отсутствием народных преданий и исторических воспоминаний (как то былин, исторических песен), исторический отдел будет иметь постоянно в виду эти слабые стороны в духовном развитии западно-русского народа и будет стремиться пробуждать в своих читателях воспоминания о славных людях и тем восстанавливать в них подавленное вековым гнётом чувство своей русской народности, укреплять нравственную связь с единокровным народом великорусским и признательность к государям и великим деятелям русской земли, оказавшим благотворное влияние на судьбы отечества»¹⁷.

13 октября этот проект рассматривался в Западном комитете, члены которого сочли целесообразным изменить форму издания и выпускать его отдельными книжками без определённой периодичности. Вместе с тем стремление Корнилова отказаться в этом журнале от использования местных языков в Петербурге не поддержали. По мнению участвовавших в заседании сановников, «одним из самых действительных средств, принимавшихся польскою пропагандою для распространения польского языка в Западном крае, было печатание книг на местных наречиях польскими буквами. Посему и имея в виду, что русский язык для части народонаселения Западного края ещё доселе не понятен и что для обучающихся русской азбуке в народных школах необходимо предоставить средства к чтению на знакомом им языке, Комитет признаёт... весьма полезным переводить на местные наречия и печатать русскими буквами молитвы, главные правительственные распоряжения и статьи духовно-нравственного содержания, предназначенные для первоначального народного чтения»¹⁸. Со своей стороны, Муравьёв по-прежнему сомневался в актуальности журнала для крестьян и в ноябре 1864 г. предложил потратить ассигнованные на него суммы на формирование в крае системы начальных школ¹⁹. А 17 марта 1865 г. Западный комитет и вовсе признал издание «Русского чтения» «несвоевременным»²⁰.

Школьное образование, как среднее, предназначавшееся для привилегированных сословий, так и начальное, рассчитанное прежде всего на крестьян, рассматривалось властями в качестве одного из основных инструментов, формирующих ценностные установки подданных, включая их лояльность к правящей династии и империи. Но, несмотря на это, преподавание истории отсутствовало в числе предметов, обучение которым вводилось согласно высочайше утверждённым 23 марта 1863 г. временным правилам для народных школ в белорусско-литовских губерниях²¹. Предполагалось, что их ученики получат определённые сведения о ней во время занятий чтением.

¹⁷ ОР РНБ, ф. 377, д. 271, л. 1—1 об.

¹⁸ РГИА, ф. 733, оп. 140, д. 17, л. 186—188 об.

¹⁹ Там же, л. 193—194 об.

²⁰ Там же, л. 208—208 об.

²¹ ПСЗ-II. Т. 38. Отд. 1. СПб., 1866. № 39411.

Тем временем в ходе реформы начальной школы руководство Министерства народного просвещения (МНП) столкнулось с задачей внедрения учебников, которые использовались бы на всём пространстве Российской империи и приучали бы учащихся к мысли о её целостности. В начале 1860-х гг. для этого дважды, и оба раза безуспешно, проводились соответствующие конкурсы. 25 марта 1861 г. Учёный комитет Главного правления училищ объявил конкурс на лучшую книгу для первоначального обучения детей грамоте. Ожидалось, что пособие, удостоенное награды, затем сделают на пять лет обязательным основным учебником для народных училищ и младших классов гимназий. При этом Учёный комитет не ограничивал авторов «указаниями, какие именно статьи и в каком порядке должны войти в эту книгу», призванную стать «главным пособием для умственного и нравственного развития детей при их первоначальном образовании». Выделялись лишь основные задачи, включая и развитие нравственных убеждений с помощью «рассказов как вымышленных, так и исторических и посредством биографических очерков важнейших исторических деятелей»²². Приём рукописей продолжался полтора года, но ни одна из них министерство не удовлетворила. В частности, отклонили и книгу К.Д. Ушинского «Детский мир и хрестоматия», признав, что она по своему содержанию и форме подачи материала «доступна для детей более развитых, нежели какими поступают дети в низшие народные училища»²³.

Второй конкурс на лучшие учебники Учёный комитет объявил в октябре 1864 г., уже после утверждения императором 14 июля Положения о начальных народных училищах. Авторы могли присылать свои сочинения до 1 ноября 1865 г. Согласно условиям, книга для чтения должна была включать рассказы «из области отечественной литературы, отечественной истории и географии и естественных наук». В историко-географических разделах рекомендовалось ограничиться «выбором событий, имевших значение эпохи в отечественной истории, и таких местностей, которые представляют особенную важность в народной экономике или отличаются особенными условиями жизни и деятельности своих обитателей»²⁴. В итоге рассматривались 21 букварь, 22 пособия по арифметике и 5 книг для чтения. Но и на этот раз премии никто не получил, поскольку «все они оказались более или менее не удовлетворяющими требованиям, заявленным в объявлении о конкурсе»²⁵.

Между тем в Северо-Западном крае получила широкое распространение «Книга для чтения в народных училищах Виленского учебного округа», изданная в 1862 г. — одной из первых в империи²⁶. Эта хрестоматия подразделялась на две части: в первой сообщалось о «важнейших предметах», касавшихся в том числе и религиозно-нравственного воспитания, и эпизодов русской истории, а во второй размещались собственно тексты для первоначального чтения, перепечатанные из лучших детских сборников и журналов того времени.

В педагогических кругах обсуждение виленской «Книги для чтения» стало частью широкой дискуссии о месте региональной истории и географии в курсе

²² Объявление конкурса о книге для чтения // ЖМНП. 1861. Т. 110. № 4—6. Отд. IV. С. 1—4.

²³ ЖМНП. 1863. Т. 119. № 8. Отд. I. С. 110—111.

²⁴ Там же. 1864. Т. 124. № 11—12. Отд. I. С. 102—106.

²⁵ Там же. 1866. Т. 132. № 10. Отд. I. С. 92—93.

²⁶ В конце 1863 г. тираж второго издания этой книги составил 10 тыс., а третье вышло в 1866 г. уже тиражом 20 тыс. экземпляров (РГИА, ф. 733, оп. 62, д. 1484, л. 45 об.; ОР РНБ, ф. 377, д. 272, л. 16).

начальной школы. Оценивая её, известный петербургский педагог В.И. Водовозов размышлял: «Возможно ли составить одну книгу для всех училищ, или должны быть разные читальники, согласно с условиями местности?.. Может ли деление на [учебные] округа вообще служить основанием для введения различных читальников?». Однако в данном издании рецензент не нашёл «ничего такого, что удовлетворяло бы потребностям края». Сетовал он и на то, что в тексте «народ как главное действующее лицо» практически отсутствовал, и в истории «всё делается с помощью одних героев», тогда как, по мнению Водовозова, следовало «хотя сколько-нибудь выставить и историю народа»²⁷.

Член Учёного комитета МНП А.Д. Галахов, напротив, критиковал виленскую «Книгу для чтения» именно за её региональный колорит. На одном из заседаний в марте 1864 г. он доказывал, что в подобной книге не подобает руководствоваться «местными особенностями края», поскольку она должна была быть «составлена на основании общеобразовательных целей, одинаковых для всей России, а не исключительных для каждой её области. Содержание её не имеет обязанности изменяться по градусам широты и долготы; статьи, посвящённые отечествоведению, должны знакомить с отличительными свойствами русской народности вообще, а не с её провинциализмами»²⁸. Тем не менее при отсутствии общеимперского учебника воспитание крестьянских детей могло опираться лишь на региональные издания.

В 1860-е гг. наблюдался рост наименований и тиражей учебной литературы для народного чтения, однако сюжеты литовско-русской истории слабо отражались не только в научно-популярных, доступных для крестьян сочинениях, но и в академических исследованиях. 27 июля 1867 г. при рассмотрении на заседании Учёного комитета МНП книги Щебальского «Рассказы о Западной Руси» профессор Петербургского университета К.Н. Бестужев-Рюмин отметил: «История Западной Руси представляет чрезвычайно много затруднений при изложении в популярной форме... До сих пор история Западной Руси только эпизодически входила в изложение русской истории и обрабатывалась преимущественно польскими историками с польской точки зрения; самые источники изданы по большей части поляками и очень многие до сих пор известны по слухам или изданы с искажениями». По словам историка, «национальное русское сознание, вызванное последними событиями, заставило на многое взглянуть иными глазами, чем мы привыкли смотреть; истина во многих случаях если не ясно видится, то, по крайней мере, предугадывается; но многое ещё остаётся сделать для того, чтобы предугадываемое стало вполне достоверным. А между тем время не ждёт: русскому обществу, в особенности населению Западного края, надо иметь если не вполне, то приблизительно верную картину исторической судьбы этой важной части Русской империи»²⁹. Руководство Виленского учебного округа отзывалось об этом «важном пробеле» в отечественной историографии ещё резче, указывая на то, что он не позволяет передавать учащимся «верные понятия об исконном господстве православия и русской народности в здешней стране»³⁰.

²⁷ ЖМНП. 1863. Т. 118. № 5. Отд. V. С. 90, 94.

²⁸ РГИА, ф. 734, оп. 3, д. 1, л. 529—530.

²⁹ Там же, ф. 733, оп. 193, д. 297, л. 235—235 об.

³⁰ *Беляев И.Д.* Очерк истории Северо-Западного края России. Вильна, 1867. С. 3.

29 июня 1867 г. во время обсуждения в Учёном комитете МНП книги для народного чтения «Рассказы про старое время на Руси от начала Русской земли до Петра Великого», написанной А.Ф. Петрушевским, Бестужев-Рюмин выделил у историков два подхода к созданию подобной литературы. Одни старались, «выбрав всё наиболее важное из источников, передать события словами самих источников», оставляя «многое собственной догадке» читателей и воздействуя на них лишь «самою логикою фактов». Такой метод был «выгоден» тем, что «простодушный рассказ летописца близок к народному пониманию». Но более удачным учёному казался иной способ подачи материала: «Приняв во внимание воспитательный характер истории, изложить события таким образом, чтобы читателю ясными становились главные движущие идеи», которые в книгах для народа «не должны выступать в отвлечённости, но облекаться в известный образ». Лишь это могло «привести к ясному пониманию хода истории и тем способствовать развитию сознательного народного чувства». Правда, как признавал Бестужев-Рюмин, такой книги «ещё не появилось у нас», поскольку написать её мог только историк, знакомый «с приёмом народной аргументации и с языком и, наконец, со всем бытом народа»³¹.

Одновременно в конце 1860-х гг. происходила определённая систематизация терминологии, употреблявшейся в учебной литературе в отношении земель бывшего Великого княжества Литовского. Так, Учёный комитет МНП рекомендовал авторам не «сливать в одно» историю «Литовской Руси» и Польши «под именем Литовско-Польского королевства», учитывая «рознь» между «обеими странами». Кроме того, предлагалось избегать выражения «обращение Литвы в католичество» в 1386 г., а вместо «отмены унии» в 1839 г. говорить про «воссоединение униатов» и проч.³²

Отказавшись от просвещения белорусов и литовцев с помощью периодики, руководство ВУО во главе с Корниловым сосредоточилось на издании и распространении учебной литературы, способной, по выражению Ивана Петровича, «возбудить и укрепить в учащих сознание о единоплеменности, единоверности и неразрывном единстве западно-русского народа с Великою Россиею»³³. Попечитель стремился привлечь к работе над пособиями известных столичных историков и литераторов. Профессор Московского университета славянофил И.Д. Беляев подарил округу рукопись книги «Очерк истории Северо-Западного края России». Первоначально его планировалось включить в подготовленный ВУО православный месяцеслов на 1865 г. — первый, специально адаптированный для народного чтения. По распоряжению Корнилова книга Беляева, напечатанная в 1867 г. в Вильне тиражом 1 200 экз., была бесплатно распределена между всеми учебными заведениями округа³⁴. Для них и местных «грамотных простолюдинов» предназначались и «Рассказы о Западной Руси» Щебальского³⁵.

Одним из наиболее массовых изданий, использовавшихся для чтения в народных школах ВУО, был сборник «Пчела», вышедший под редакцией поэта

³¹ РГИА, ф. 733, оп. 193, д. 297, л. 141—143 об.

³² Там же, д. 349, л. 411 об.—413 об.

³³ Там же, л. 69.

³⁴ *Корнилов И.П.* Русское дело в Северо-Западном крае. Материалы для истории Виленского учебного округа преимущественно в муравьёвскую эпоху. Изд. 2. СПб., 1908. С. 140—142.

³⁵ *Щебальский П.К.* Рассказы о Западной Руси. Изд. 2. М., 1867.

Н.Ф. Щербины³⁶ и лично одобренный министром народного просвещения³⁷. В этой хрестоматии, включавшей 180 статей с картинками и нотами, имелся особый «литовский» раздел. По докладу Головина Александр II разрешил употребить 4,5 тыс. руб. из средств МНП на покупку у Щербины 4 тыс. экземпляров «Пчелы» для рассылки их во все губернии империи³⁸. Виленский генерал-губернатор К.П. Кауфман приобрёл у Щербины «на местные средства» ещё 4 тыс. экземпляров³⁹. В июне 1866 г. А.Ф. Гильфердинг, рекомендуя второе издание сборника для распространения в Холмском крае, сообщал кн. В.А. Черкасскому: «Так как оно напечатано в виде большого заказа для школ Северо-Западного края и на средства, доставленные ген[ералом] Кауфманом, то составитель сборника включил в него большое число статей, имеющих ближайшее отношение к русско-польскому делу. В настоящем её виде книга Щербины вышла едва ли не лучшим, существующим в литературе нашей, орудием пропаганды русской народности в краях, подвергаемых польским влияниям»⁴⁰. Сам Щербина называл свой сборник «книгой русской пропаганды», специально направленной на те «местности и окраины, где по политическим соображениям потребно содействие к большему развитию или утверждению русской народности, к тяготению к центру и сердцу России, к ознакомлению с великорусскими началами и великорусским народом»⁴¹.

Автором одного из учебников истории, написанного по заказу ВУО, стал директор Свенцянской гимназии В.И. Лапин. В 1868 г. в Вильне на средства учебного округа был издан его «Очерк русской истории для четвёртого класса гимназий, для прогимназий и уездных училищ Западного края» тиражом 2 400 экземпляров⁴². В 1867 г., осматривая школы Виленского и Дисненского уездов Виленской губ., автор «Очерка» требовал от преподавателей во время занятий «развития и подтверждения историческими фактами мыслей, что здешний и Юго-Западный край суть старинное достояние России, что даже и те из его обитателей, которые теперь называют себя поляками, суть большей частью потомки православных русских, ополячившихся под коварным влиянием римско-католического духовенства». При этом Лапин советовал в школах, где учились и православные, и католики, делать оговорки. Например, говоря о «вредном влиянии» католицизма в западных губерниях, «не называть пап и всё духовенство, во избежание оскорбления религиозного чувства учеников, а выставлять виновниками этого влияния иезуитов и их единомышленников»⁴³.

В «Очерке русской истории» Лапина, по сравнению с другими учебниками, уделялось больше внимания «Западной России». По мнению члена Учёного комитета Министерства народного просвещения А.И. Георгиевского, благодаря удачному подбору фактов этот учебник вполне соответствовал задачам подобного рода литературы — «возбуждению в учащихся сознания единства

³⁶ Щербина Н.Ф. Пчела. Сборник для народного чтения и для употребления при народном обучении. Изд. 2. СПб., 1866.

³⁷ РГИА, ф. 733, оп. 170, д. 186, л. 1.

³⁸ Там же, л. 39—39 об.; ЖМНП. 1865. Т. 128. № 12. Отд. I. С. 134.

³⁹ РГИА, ф. 733, оп. 170, д. 186, л. 41.

⁴⁰ ОР РГБ, ф. 327/II, к. 7, д. 15, л. 13 об.

⁴¹ РГИА, ф. 733, оп. 170, д. 186, л. 42.

⁴² В частном письме 24 июня 1870 г. Лапин благодарил Корнилова за покровительство при подготовке к публикации «Очерка» (ОР РНБ, ф. 377, д. 849, л. 5).

⁴³ Там же, д. 116, л. 1 об., 2 об.

русской земли и русского народа, сознания первоначально русского характера всех исторических деятелей нашего Западного края и вообще русского национального патриотического чувства»⁴⁴. Вместе с тем, хотя «Очерк» был рекомендован для чтения в народных и приходских училищах, Учёный комитет заставил автора исправить «резкие и суровые приёмы» изложения. «К чему все эти резкие выражения пред учениками, коих по крайней мере половина римско-католиков, как то “совратился в латинство”», — недоумевал Георгиевский. Как считал Александр Иванович, если бы учебник содержал конкретные исторические факты и более подробные биографии деятелей Западного края, то они скорее бы убедили молодых крестьян в том, что «в этой стране некогда господствовали русский язык и русское православие», чем «общие на этот счёт уверения, которые легко могут встретить недоверие и произвести противоположный эффект, особенно же если будут высказаны тоном беспокойным и раздражительным»⁴⁵.

Критика учебника Лапина в целом соответствовала той общей позиции, которой придерживались в сфере начального образования как учебное ведомство, так и Синод. В её основе лежало стремление избегать любой конфессиональной конфронтации и «полемики в катехизисе». Эта позиция не изменилась под влиянием польского восстания и последовавшей политики русификации в западных губерниях. Характерно, что в январе 1868 г. Учебный комитет при Синоде отказался рекомендовать для использования в народных школах края брошюру «О римско-католической церкви», составленную священником Василием Михайловским, законоучителем 1-го военного Павловского училища в Петербурге⁴⁶. В первой же её фразе католичество определялось как «отпадшее от истинно Христовой Церкви общество христиан, которое находится в церковной зависимости от римского епископа, называемого папою». Не возражая по существу, Учебный комитет счёл это сочинение не соответствующим ни характеру сельских учебных заведений, ни общему объёму знаний их учеников. В заключении комитета указывалось также на «несообразность» и абсурдность такого духовного образования, при котором детей, едва приступивших к знакомству с основами христианской веры, начинают «учить о причинах разделения церквей, незаконности папских притязаний на главенство, несогласии с евангельским учением светской власти пап, неправильности учения латинян об исхождении Св. Духа и от Сына, об индульгенциях и т.п.». Тем не менее Учебный комитет разрешил приобретать эту брошюру для библиотек народных училищ⁴⁷.

Хотя основные усилия руководства ВУО были направлены на формирование самосознания белорусских крестьян, оно признавало потребность и в учебной литературе для исторического воспитания литовского населения края. Интерес к этому проявлял в середине 1860-х гг. доцент Варшавского университета литовец С.П. Микуцкий. Он предложил Корнилову подготовить особую книгу для чтения, по которой учили бы литовцев, и даже набросал краткие тезисы, очерчивавшие её содержание. В этом учебнике видное место заняла бы

⁴⁴ РГИА, ф. 733, оп. 193, д. 349, л. 69—70, 215—218.

⁴⁵ Там же, л. 222 об.—223 об.

⁴⁶ Там же, оп. 170, д. 111, л. 295—312 об.; *Михайловский В.* О римско-католической церкви. СПб., 1867.

⁴⁷ РГИА, ф. 733, оп. 170, д. 111, л. 294—294 об.

«история литовского народа», которая, по так и не реализованному замыслу автора, неразрывно связывалась с судьбами русских земель. «Встарь, — писал Микуцкий, — почти вся Литва была сплошным дремучим лесом... Русские князья подчинили себе Литву... Русский язык и христианская вера малопомалу стали распространяться в Литве. После монгольского разгрома литовские князья завладели обширными областями западно-русскими, и возникло литовско-русское княжество и с древне-русским гербом, т.е. всадником... Во время несчастного союза литовско-русского княжества с Польшею литовский народ подвергся страшному рабству. Воссоединилась Литва с Русскою державою, и русское правительство стало принимать меры для облегчения судьбы литовского народа»⁴⁸.

Таким образом, в 1860-х гг., одновременно с развитием системы начального образования, как в кругах высшей бюрократии, так и среди профессиональных педагогов обсуждались способы сформировать у крестьян Северо-Западного края сознание связи с общим отечеством — Россией, а у белорусов — духовного, а также «племенного» единства с русским народом. Однако целый ряд культурно-просветительских и издательских проектов так и остался неосуществлённым. Власти вынуждены были учитывать и ограниченные финансовые возможности учебного ведомства, и слабое развитие книготорговой и почтовой инфраструктуры, и неграмотность значительной части крестьян, и этноконфессиональную специфику региона. Вместе с тем как историки и педагоги, так и чиновники оказались вовлечены в разработку новой концепции истории «Западной России», более соответствовавшей пореформенным представлениям о «народности» и лучше подходившей для популяризации в крестьянской среде.

⁴⁸ ОР РНБ, ф. 377, д. 279, л. 1—1 об.